

М. Е. Резван

**ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК ФУНКЦИЯ
ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА
(по материалам экспедиций МАЭ РАН 2008–2011 гг.)¹**

На протяжении тысячелетий мир осознал себя цивилизованным благодаря системе транспортных коммуникаций, известной под названием Великий шелковый путь. Он шел не только от оазиса к оазису, от базара к базару, от острова к острову — Великий шелковый путь связывал между собой святыне для человечества места и был подобен нервной системе в человеческом организме. Торговля с паломничеством шли здесь рука об руку.

Религии сменяли одна другую, но святыне места — могилы пророков и праведников, целительные источники и отдельные скалы, камни и деревья — часто оставались на прежнем месте, меняя лишь имена. Не обращая внимания на границы государств, к ним шли со своими нуждами, с мольбами о здоровье, успехе, богатстве и чадородии тысячи и тысячи паломников.

В I–III вв. н. э. на территории современной Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Средней Азии существовала великая Кушанская империя, покровительствовавшая буддизму. По одной из версий, царство основали юэчжи, народ, пришедший из Восточного Туркестана. Империя испытала большое влияние эллинистической культуры, поддерживала связи с Римом, Персией, Китаем. Именно в годы ее расцвета по маршрутам Великого шелкового пути буддизм пришел сначала в города-государства на территории Восточного Туркестана, а затем и в Китай. Позднее уже отсюда буддизм проник в Корею и Японию.

С VIII в. мощь Халифата смогла гарантировать безопасность торговых операций на гигантских территориях и высокую прибыльность для всех их участников. Это вызвало беспрецедентную активизацию торговли по всей Евразии, от Скандинавии² до Китая, а также в Красном море, Персидском заливе, Аравийском море, Индийском океане, Бенгальском заливе и Южно-китайском

море. Мусульманские купцы смогли создать по существу глобальную торговую сеть.

I. К истории легенды о переселении саларов

В МАЭ РАН хранится одно из крупнейших этнографических собраний, доставленных из Синьцзяна и Цинхая (КНР). Оно представляет культурное и этническое многообразие Китайского Туркестана, историю его изучения в России. Формирование коллекции связано с деятельностью легендарного Русского Комитета по изучению Центральной Азии и именами таких выдающихся ученых и путешественников, как Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, С. Е. Малов, Э. Р. Тенишев и многие другие. В 2008 г. в рамках изучения этой коллекции в соответствии с договором о научном сотрудничестве между МАЭ РАН и Институтом этнологии и антропологии Академии общественных наук КНР была организована историко-этнографическая экспедиция «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)»³. Экспедиция посетила ряд важнейших центров на китайской части Великого шелкового пути, где велся интенсивный сбор материалов по истории и современному положению ислама в Китайском Туркестане и провинции Цинхай, исламо-буддийскому взаимодействию.

Результатом работы экспедиции и изучения музейных коллекций стала выставка «Между Туркестаном и Тибетом: салары», которая открылась в МАЭ летом 2010 г.

Салары КНР — народ огузского, южно-тюркского происхождения. Их самоназвание существует в различных вариантах: *салар*, *салор*, *салыр*, *салир*, *сала*, *салацзу* (последнее — на китайском языке) — и относится к числу огузских племенных наименований⁴. Оно и сегодня встречается у туркмен Старо-Чарджуйского, Серахского и Керкинского районов Республики Туркменистан. *Салгур*, древнейшая форма этнонима, зафиксирована Махмудом Кашгарским (XI в.), в вариантах *салур* или *салор* он встречается у Рашид ад-Дина (XIV в.) и Абу ал-Гази (XVII в.). Тюркский эпос свидетельствует о том, что салары обладали значительным влиянием среди огузов. Это, по-видимому, объяснялось их близостью

в легендарной родословной к герою-прародителю Огуз-кагану, важную ролью, которую им довелось сыграть в процессе исламизации туркмен, и, конечно, их военной мощью и богатством.

Начав движение из дельты Амударьи и Сырдарьи, волна переселения докатилась до прикаспийских территорий и далее — на Запад⁵, вплоть до Малой Азии. Здесь салары растворились, оставив свой след в топонимах Восточной Анатолии.

Еще в XI в. часть племен ушла в Хорасан, Ирак и Фарс, другая впоследствии оказалась на восточном побережье Каспия, частью пройдя через Крым и Поволжье. В XIV в. подразделения саларов жили в Прикаспии (Мангышлак), на плато Усть-Юрт и в предгорьях Балхан⁶. Катастрофические засухи XVII в. вынудили саларов мигрировать в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата.

Еще до заселения огузами прикаспийских земель их часть осела к северу от Самарканда по соседству с кыпчакскими племенами, и вплоть до начала XIX в. салары, жившие неподалеку от Самарканда, сохраняли свое самоназвание⁷. Сегодня их потомками являются туркмены Самаркандской области (Нуратинский и Кошрабатский районы), фактически ассимилированные узбекским окружением.

Китайские хроники упоминают о переселении саларов в китайские пределы в первые годы правления династии Мин (1368–1644). Салары верят, что в беспокойном XIV в. два брата-прародителя, Ахман и Караман⁸ («братья Карамановы», по замечанию участника нашей экспедиции Дмитрия Шнеерсона), переселись сюда из Самарканда⁹. В различных версиях сказания сохраняется неизменной дата поселения сорока саларских семей на новом месте — 1370 г.

Сегодня салары живут главным образом в юго-восточной части китайской провинции Цинхай близ истоков трех великих азиатских рек — Хуанхэ, Янцзы и Меконга.

Белая верблюдица, спасшая братьев и обратившаяся в камень, стала национальным символом страны. Рукопись Корана, принесенная, по преданию, братьями, — другая важнейшая святыня саларов¹⁰. Ее считают старейшим кораническим списком в

Китае. Сегодня этот список бережно хранится в специально построенном здании. Экспедиция МАЭ смогла познакомиться с ним в 2008 г. Собственно, легенда о верблюдице и древней рукописи, во многом повторяющая предание о переселении в пределы современного Узбекистана группы арабских племен, и привела нас сюда. Об этом событии напоминает беломраморная скульптура в г. Сюньхуа — склонившая колени двугорбая верблюдица с переметной сумой со Священной книгой.

«В местности по названию Самарканд жил князь Ахман. Там же жил другой князь — Караман. Оба спорили из-за власти. Человек из рода Ахмана украл чью-то корову, но возвел клевету на род Карамана. Оба они пожаловались правителю Самарканда. Род Карамана не хотел жить рядом с родом Ахмана. “Нас оклеветали, мы переселимся отсюда!” — сказал род Карамана <...> Наш корень саларов идет и от младшего, и от старшего сыновей Карамана.

Что дал Караман старшему сыну? Дал верблюда. Дал чашку священной воды. Дал один оман священной земли. Дал большие и маленькие весы. “Возьми все это и иди на юг. Где остановишься, сравни вес воды и земли, где будет вес равным, там и живи”. Еще он дал свидетельство о Самарканде — тридцать частей Корана. “Не потеряй! Следуй содержанию его и соответственно поступай”, — сказал Караман». Так звучит предание о переселении саларов, записанное Э. Р. Тенишевым полвека назад¹¹.

«Верблюд добрался до источника в Алтиюли — продолжает древняя легенда. — Пытались поднять верблюда, но он не встал. Сняли с него груз, и верблюд тут же превратился в белый камень. Тридцать частей Корана отнесли в мечеть <...> Взвесили на малых весах, вес местной воды и земли сравнялся полностью с весом священной воды и земли».

Салары создали по-настоящему уникальный способ сохранения и передачи исторической памяти: сегодня, как и столетия назад, во время каждой свадебной церемонии в лицах разыгрывается легенда о белой верблюдице и переселении братьев из Самарканда.

Различные версии устных преданий (*саларниги лиши*) настаивают на одной и той же дате переселения сорока саларских семей из Самарканда и их появления на новом месте — 1370 г. Этот период связан со становлением власти Тимура и его первыми походами. Известно, что в 1365 г. в Самарканде началось восстание сербедаров¹², вызванное приходом войска кочевников из Китайского Туркестана, которые разбили эмиров Самарканда Хусайна и Тимура и осадили город. В 1366 г. Тимур подавил восстание. Следующие четыре года в Мавераннахре прошли под знаком соперничества бывших союзников, причем известно, что в этих событиях принимали участие и туркменские племена из Мерва. 10 апреля 1370 г., после того как Хусайн был убит, Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра и стал полновластным правителем. Уже в 1371 г. он начинает свои походы в Китайский Туркестан. Пять походов он возглавляет сам (три из них через Чуйскую долину). Несколько походов (1383, 1389, 1400 гг.) возглавили его сыновья и эмиры. В 1377–1378 гг. Тимуром был захвачен Кашгар. Если принимать 1370 г. как дату переселения первой группы саларов в Предтибетье, то становится очевидным: они либо убегали из охваченной междоусобицей страны, либо сопровождали Тимура в его походах. В любом случае эти пути саларам, которые славились как прекрасные *караванбаши*, были хорошо знакомы. Вспомним, кстати, что именно ко времени Тимура относится резкий рост связей и культурного взаимовлияния между Китаем и мусульманским Востоком.

Похожая легенда связана с мавзолеем Мухаммада Садика, наиболее почитаемого святого (*вали*) братства ‘ишкийя. Мавзолей расположен в поселении Катта-Лангар (100 км к югу от Самарканда, в ущелье Кок-Су, в отрогах Зарафшанского хребта)¹³. По словам полковника российского Генерального штаба Белявского, дважды побывавшего тут во время производившейся им в 1889 г. рекогносцировки восточных районов Бухарского эмирата, «Лянгар, Бова-шады и Тут-ак составляют как бы святые горы Бухары. Благочестивые мусульмане, придя на поклонение, не ограничиваются поклонением Лянгару, а посещают также Бова-шады и Тут-ак»¹⁴.

Согласно интересующей нас легенде, когда катта-лангарский *вали* Мухаммад Садик был молодым *муридом*, в его обязанности входили подогревание и подача своему учителю теплой воды для предмолитвенных омовений. Однажды он обнаружил отсутствие топлива, положил *кумган* с холодной водой себе под мышку и заснул: свершилось чудо — вода вскипела. Учитель, обожженный горячей водой, понял, что его *мурид* достиг *хакиката*, последнего этапа мистического пути, и со словами: «Нам вдвоем здесь делать нечего», — велел ему искать другое место для жизни и проповеди. На прощание учитель сказал: «Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммад Садик долго блуждал по стране в поисках подходящего места для своего *лангара*. В одном месте верблюд, который с одной стороны от седла нес сундучок со священным списком Корана, а с другой — с *хиркой* пророка, упал от усталости и, пролежав один день, двинулся дальше, в другом месте пролежал два дня, лишь дойдя до территории будущего Катта-Лангара, животное в изнеможении лежало трое суток¹⁵.

Именно так, по преданию, в Катта-Лангаре оказалась одна из древнейших рукописей Корана в мире. На протяжении веков она была объектом самого глубокого почитания поколений мусульман как «Коран ‘Усмана», первосписок Священного текста.

Так там оказалась и другая мусульманская святыня — *хирке-йи мубарак* («благословенная плащаница»), накидка, принадлежавшая, по преданию, пророку Мухаммаду и ставшая в исламе одним из символов верховной власти.

Исследования показывают, что с легендой о переселении Мухаммада Садика прямо соотносится предание о переселении в этот район группы арабских племен. Согласно этому преданию, бытующему как среди самих кашкадарьинских арабов, так и среди их соседей, в то же время по решению Тимура в этот район в наказание были переселены арабские племена, чьи предки обвинялись в том, что принимали участие в убиении внуков пророка, Хасана и Хусайна. По одной из версий предания об этом переселении, арабы были направлены Тимуром «в Китай», и лишь заступничество

Мир Хайдара, бывшего религиозным наставником грозного владыки, позволило поселить их в районе Гиссара и Карши. Между тем в одной из версий легенды о переселении саларов в китайские пределы вполне неожиданно говорится о том, что их предки некогда жили «в местности, называемой Емен или Йемен»¹⁶. Сюда же, в Йемен, следует отнести и прародину арабов, живущих ныне в районе Карши¹⁷.

Из ряда исторических источников известно, что в 1513 г. узбекские султаны, занявшие перед тем северный Хорасан и Балх, вынуждены были очищать захваченные области. Султан ‘Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан — через Амударью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, района в северном Афганистане¹⁸, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие «плата за заботу» (*ихти-мам*)¹⁹. Легенда о долгом путешествии и изможденном верблюде отразила многомесячный путь переселенцев, а старинный список Корана стал «платой за заботу».

В предании о строительстве мечети в Катта-Лангаре, рассказанном ее *имамом* ‘Абд ал-Джаббаром б. Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствовавших с местом строительства племен отвечало за тот или иной аспект строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота и приготовление пищи для нужд строителей и т. п. Смыслом строительства мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения. Тем самым переселенцы интегрировались в местную среду²⁰.

Содержательное совпадение легенд, единство времени и места, несомненно, свидетельствуют о культурном взаимодействии. Эти легенды помогут нам понять, что же все-таки происходило в огромном центральноазиатском «котле» во время, переломное в истории многих народов, шедших по пути переселения проверенными маршрутами Великого шелкового пути.

Эти маршруты были для саларов по-настоящему своими. После ухода с исторической арены согдийцев и на протяжении мно-

гих веков они частично контролировали эти пути, служили проводниками и охраной торговых караванов.

Письменных источников по истории саларов практически не сохранилось. Е. Г. Царева блестяще показала возможность и важность анализа техники производства, цветовой гаммы и орнаментики ковровых изделий для исследования этнокультурной истории народов Центральной Азии²¹. В этой связи важно, что салары — племя, которое сами туркмены называли родоначальниками ковроткачества. Сегодня имеющийся комплекс источников показывает нам, что салары неоднократно пересекались с арабами в районе Средней Амударьи. Как отмечает Е. Г. Царева, «в IX в., когда они пришли сюда первый раз, в этом районе еще существовало значительное неассимилированное арабское население. В XI в., примкнув к сельджукам, салары продвинулись через Египет и Северную Африку до Испании, а потом — в своей обычной манере — тихо (и частично) откатились назад. Возвращались через Египет и Ирак. Часть, возможно, двигалась северным путем, в обход Каспия.

В XIV–XV вв. салары пришли на Среднюю Амударью в процессе заселения опустошенных монголами территорий. Во всех случаях они заселяли северную зону, не продвигаясь южнее Чарджоу. В XIV в. часть племени (возможно, не только салары) переселилась в Нуратинское междугорье (по глухим сведениям, часть племени ушла туда еще в IX в., т. е. вновь прибывшие стали, как обычно для племенных миграций, “подселенцами”). Похоже, что на восток, в Китай, салары продвигались именно через Нуратинское междугорье, возможно, под влиянием соприкосновения с китайцами, которых переселили в Мавераннахр монголы, и предварительно отправив в Предтибетье своих “разведчиков”. В районе Средней Амударьи как саларов, так и арабов было много, причем в северной зоне, вокруг и к северу от Чарджоу, они проживали чересполосно»²².

По-видимому, к концу XIV в. следует отнести появление в Предтибетье группы саларов-«первопроходцев». В течение столетия к ним подтягивались новые переселенцы, которые однажды и принесли рукопись Корана, показанную нам в 2008 г.

По результатам, к сожалению, достаточно краткого осмотра она представляет собой список центральноазиатской работы, который предположительно можно датировать XIV–XV вв. По-видимому, тогда же получила бытование и известная легенда о переселении родов-«первопроходцев», легенда, принесенная из района Самарканда — Карши и очень близкая той, что описывала переселение арабов.

Легенда эта стала, вероятно, равным достоянием нескольких этнических групп: «Предание это <...> довольно распространено между здешними мусульманами. Я слышал его уже давно, и притом неоднократно, от татар и сартов, проживающих в селении Токмак»²³ (т. е. в Чуйской долине между Тянь-Шанем и Киргизским Ала-Тоо, там, где издавна проходил знаменитый Чуйский тракт), — писал в 1893 г. Ф. Поярков. История о народе, который сквозь века, горы и пустыни прошел из далекого Йемена до Амударьи и принес с собой священный первосписок Корана, западала в души слушателям суфийских *шайхов* и становилась частью серии этногенетических преданий.

Салары переселились на территорию, где преобладало инорелигиозное, прежде всего буддийское, окружение. Ислам стал для них важнейшим элементом национальной идентичности. В этой связи показательное использование распространенной парадигмы переноса на новое место жительства важнейшего достояния — рукописи Корана, несомненно, служившей некогда общинным списком и хранившейся в мечети.

В самой легенде с легкостью можно обнаружить множество древних символических значений. «Млечный путь» у туркмен носит название *ақ майанын йолы* — «Путь белой верблюдицы», во многих тюркских языках созвездия Весов и Ориона обозначаются терминами, восходящими к описанию бытового предмета — весов (**тараза*), например казахское *мусульман таразы* («Мусульманские весы») для созвездия Ориона²⁴. Слово для обозначения земли родного пастбища, праха, пыли (*топрақ* у Махмуда Кашгарского) связано с *топрат* («вытаптывать», «выбивать»)²⁵. Архаичный характер имеет зафиксированное во многих тюркских языках сложение *йер суб* (*суб*), со значением «земля — вода, земля

и условия, где можно вести земледельческое и скотоводческое хозяйство» → «местность», «страна»²⁶. Если вспомнить, что у древних орхоно-енисейских тюрок было три божества: Тенгри — бог неба, Умай — богиня плодородия и Йер-су — олицетворение культа воды и земли, то можно даже утверждать, что легенда содержит в себе «в сжатом виде» важнейшие уровни древнетюркской религиозно-мифической системы. Полагают, например, что изображение трех колец на знаменах Тимура символизировало небо, землю и воду²⁷.

Разыгрываемое во время саларской свадебной церемонии театрализованное представление (салар. *тöвө ойны*, букв. «верблюжья игра»), рассказывающее о Карамане, белой верблюдице и об обретении в Гейцзы пристанища, вновь и вновь возвращает участников в мифологическое время, напоминает о традиционном образе жизни и о символическом значении обычных бытовых предметов.

Отдельный пласт составляют общеисламские параллели. Можно вспомнить верблюдицу пророка Мухаммада, на которой он, уйдя от замысливших его убийство мекканцев, совершил *хиджру*, обозначившую начало мусульманской эры. По преданию, верблюдица остановилась, встала на колени, положила шею на землю перед дверью некоего дома и отказалась подняться (в другом варианте — все равно возвращалась на это место). Именно там Мухаммад выбрал место для своего жилья, там им была построена мечеть, там он и был похоронен. Согласно другому преданию, белая верблюдица продолжала нести тело убитого двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада, четвертого праведного халифа ‘Али, пока не пала от истощения. На этом месте он и был похоронен (Неджеф, Мазари-Шариф). В одном из преданий, бытовавших в Китайском Туркестане, тело ‘Али на белой верблюдице привез на священную гору Мустаг-ата сам пророк Муса (Моисей)²⁸. И сегодня на юге Аравии можно услышать предания этого типа, связанные с множеством местных святых мест.

По представлениям Степи верблюд — символ мира и добрых намерений. Свежие следы лошадей внушали закономерные опасения²⁹. Белая верблюдица (верблюд) считалась особым богат-

ством. В первых веках нашей эры культ верблюда существовал в юго-восточных оазисах Китайского Туркестана³⁰. У тюркских народов засвидетельствована связь этого образа с душами предков³¹. Здесь можно вспомнить и казахскую народную сказку «Каражай», в которой отец, чтобы вернуть белую верблюдицу от ведьмы-*мыстан*, был готов обменять на нее своего сына³².

II. Безеклик и Туйок

Турфанский оазис, расположенный на перекрестке маршрутов Шелкового пути, огибавших пустыню Такла-Макан, издавна имел особое значение. К X в. буддизм здесь пришел на смену манихейству. Храмы и монастыри перестраивались согласно новым канонам. В их числе был и древний пещерный монастырь Безеклик («Блестящий»). Здесь при росписи громадных пещер использовалось большое количество золота. Монастырь играл роль придворного, и его торжественные фрески представляли официально-парадный стиль Турфанского княжества, созданного уйгурами и просуществовавшего едва ли не полтысячелетия (с IX по XIII–XIV вв.).

В двух шагах от монастыря Безеклик в издревле намоленном месте расположен Туйок — святое для местных мусульман место, паломничество к которому при определенных условиях приравнивается к *хаджжу*³³.

В Турфанском оазисе, важнейшем торговом центре на северо-востоке Туркестана, ислам окончательно закрепился лишь к XV в. К тому времени соседи турфанцев исповедовали ислам уже почти пятьсот лет. Символом закрепления ислама на этой части Шелкового пути стал 44-метровый минарет Эмин, самый высокий минарет в Китае, построенный в 1777–1778 гг.

По старинному уйгурскому преданию, пятеро странников³⁴ отправились некогда на поиски истинного Бога. В ответ на их расспросы правитель одного из городов объявил богом самого себя. Вскоре поняв, что их обманули, благочестивые странники тайно покинули город, но правитель направил по их следам воинов. По дороге к беглецам присоединился пастух, спутником которого был верный пес. Странники спрятались в одной из пещер Туйок-

ского ущелья, а собака улеглась охранять вход. Уставшие путники заснули, а у входа в пещеру выросло огромное дерево с голубиными гнездами. Помет голубей скрыл следы беглецов. Проснувшись, странники почувствовали голод, и один из них отправился в город за хлебом. Однако предложенные за хлеб деньги отказались принять — они давно вышли из употребления: оказывается, странники проспали в пещере триста лет. Посланный вернулся в пещеру и вновь уснул там вместе со всеми, а мусульмане поняли, что спящим назначено проснуться лишь к Судному дню.

Как и повсюду на географических окраинах мусульманского мира, ислам в Кашгарии связан с почитанием прибывших сюда извне первоучителей. Огромную роль в распространении ислама играли суфийские учения и практики, важной частью которых является посещение святых мест. Неподдалеку от Турфана, где на раскопках древнего буддийского монастыря также работала I Русская Туркестанская экспедиция, расположено одно из наиболее популярных мест паломничества в Центральной Азии, лежащее на маршруте Великого шелкового пути. Это *мазар* Туйок — знаменитое по крайней мере с XV в. место суфийской проповеди. Именно о нем и повествует уйгурская легенда³⁵.

Широко распространенный фольклорный сюжет о семи путниках и собаке издревле был связан со звездами Большой Медведицы. Христианская легенда о «Семи отроках, во Эфесе спящих» (V в.) попала некогда в текст Корана. В Османской империи семь спящих считались покровителями мореплавания. Христианские мученики, заживо замурованные в пещере и проспавшие там несколько веков, почитаются святыми в православии и католицизме. Пещеры, связанные с этим преданием, ныне показывают, в частности, в Эфесе (Турция), Аммане (Иордания) и на горе Лоха (Гранада). Католики же убеждены, что мощи отроков покоятся в церкви Сан-Виктуар в Марселе, куда они были перенесены во время Крестовых походов. Среди известных в православии изображений отроков выделяют фреску в Успенском соборе Московского Кремля. Варианты сюжета можно обнаружить и в Талмуде (Хони), и в преданиях о «Короле под горой» (Фридрих Барбаросса), и у Томаса де Квинси, Гете, Вашингтона Ирвинга, Герберта Уэллса...

Как бы то ни было, семь путников и собака с арабским именем Китмир ежедневно продолжают свое путешествие по звездному небу, а Туйоку, наряду с небольшим числом святых мест в Западной Сибири, Африке, Центральной Азии и Индонезии, принадлежит достойное место на «неформальной карте» исламских святынь.

III. *Сафар дар вата*: Аппак-ходжа

Важным центром на Великом шелковом пути был Кашгар, расположенный у подножия Памирских гор, там, где сходятся отроги Тянь-Шаня и Куньлуня. Караваны отсюда шли на запад — в Ферганскую долину, на юг — в Кашмир и на север в Турфан и далее — в Предтибетье и во Внутренний Китай. Город издавна славился своим базаром — одним из богатейших во всей Центральной Азии. Здесь встречались друг с другом товары из Багдада и Мешхеда, Бухары и Дели, Чанъаня (ныне Сиань), древней столицы Китая, и Синина, откуда шла дорога в Тибет. Далеко за пределами Восточного Туркестана был известен кашгарский скотный базар.

Подъезжая к Кашгару или покидая его, благочестивые путешественники обязательно стремились посетить мавзолей прославленного мусульманского подвижника, правителя и проповедника Аппака-ходжи (?–1693/94), расположенный всего в нескольких километрах к северу. По местному преданию, три паломничества сюда приравнивались к *хаджжу* в Мекку. Сегодня внутри *мазара* показывают 72 гробницы, принадлежащие пяти поколениям членов этого благочестивого рода. По преданию, в одной из могил лежат драгоценности и одежда внучки Аппака-ходжи, красавицы Сян-фэй (Ипархан), любимой «ароматной наложницы» одного из китайских императоров, цинского Цяньлуна (1736–1796). С именем девушки, тело которой источало чудесный аромат, связаны легенды — героическая уйгурская и романтическая китайская.

Через Кашгар во внутренний Китай и Предтибетье шли мусульманские проповедники, среди которых был и Аппак-ходжа. Этим же путем переселялись целые народы, бежавшие от войн или искавшие лучшую долю. В конце XIV в. этой дорогой через

перевалы, оазисы и пустыни Кашгарии прошли люди, чьи потомки называют себя сегодня саларами.

Внешним смыслом одной из важнейших заповедей братства накшбандиййа было *сафар дар ватан* — «путешествие по родному краю». Много путешествовал и Аппак-х⁶аджа (Афак-х⁶аджа, Офок-х⁶аджа, араб, *афак* — «горизонты» или араб. *аффак* — «путешественник»), которого в народе называют Аппак (Оппок)-х⁶аджа (тюрк. *оппок* — «белый»)³⁶. Он принадлежал к знатному роду, ведущему, как считают, происхождение от самого пророка. С XV и по крайней мере до середины XX в. представители этого рода занимали важнейшие позиции в духовной и политической иерархии государств Центральной Азии. Могила Аппака-хаджи считается одним из четырех возможных мест пребывания *кутба* или *йактана* — главы незримой иерархии святых, управляющих миром. Множество его последователей жили и живут в Юго-восточном Казахстане и Ферганской долине.

Осенью 2008 г. экспедиция МАЭ работала в монастыре Кумбум (Таэрсы), воздвигнутом в 1577 г. на пути из Тибета в Монголию и Китай на месте рождения «Всеведущего Учителя», великого реформатора тибетского буддизма Чже Цонкапы (1357–1419). Уже вскоре после своего основания Кумбум стал одним из шести важнейших монастырей тибетского буддизма и прославился многими чудесами. Традиция гласит, что в одной из своих предыдущих жизней маленький мальчик Чже Цонкапа поднес Будде Шакьямуни хрустальные четки, а в ответ получил раковину. Будда предрек, что мальчик переродится в Тибете и сыграет ключевую роль в возрождении учения. Среди прочего Цонкапа ввел строгое безбрачие духовенства, суровую монашескую дисциплину и ограничил использование магических практик.

Гостеприимный А-Ка, монах монастыря Кумбум, угощал участников экспедиции катышами из *цзамбы* и *чайсумой*. Эта обычная тибетская трапеза напоминает *сокит* — обряд, посвященный Аппаку-ходже.

Известно, что первоначальное распространение чая связано в первую очередь с буддистскими территориями. Варианты этого напитка прочно вошли в быт населения гималайских районов

Индии, Кашмира, Непала, на Северном Тибете, у монголов, калмыков, бурят, алтайцев, тувинцев. Масло в напиток может отсутствовать, при этом чай заправляют молоком (кобыльим, верблюжьим, коровьим, козьим, овечьим), которое может быть заменено или дополнено топленным салом (из бараньего курдюка, например). Могут добавлять бараний костный мозг, крошеное вяленое мясо или даже пельмени. Частый недостаток воды и ее плохое качество в степных и пустынных районах приводит к тому, что иногда воды добавляют очень мало (одну чашку, например) и чай варят на молоке. Мука для заправки может быть ячменной, пшеничной, ржаной. Она может быть дополнена рисом или молотым просом. Особый вкус напитку придает добавление горького черного перца горошком, мускатного ореха, гвоздики или лаврового листа. Всюду неизменными ингредиентами остаются плиточный зеленый чай и соль.

Одним из основных продуктов питания тибетцев-земледельцев является *цзамба* — мука из поджаренного ячменя³⁷. Из муки, смешанной с молоком, маслом и сухим толченым чаем, делают катыши, которые подают опять-таки к чаю. У тибетцев *чайсума* — напиток из крепкого кирпичного зеленого чая (50–75 г сухого чая на 1 л воды), приправленного топленным маслом яка (100–250 г на 1 л) и солью. Обычно чай кипятят в котле, а горячую смесь взбивают в специальном сосуде до получения однородного густого напитка — чрезвычайно калорийного и тонизирующего. Специальные исследования показали, что при добавлении молока или сливочного масла в настой ферментированных чаев при взаимодействии с аминокислотами образуются устойчивые, очень питательные и быстроусвояемые белковые соединения. На протяжении столетий тибетцы мерили расстояние в горах не в единицах длины, а в чашках *чайсумы*. Три большие деревянные чашки этого напитка равны примерно восьми километрам пути. «Чашка — самая важная и универсальная посуда, из нее пьют чай, в ней замешивают цзамбу. Как правило, тибетец не моет ее, а старательно вылизывает. Чашкой дорожили, поэтому нередко даже у бедняка можно было встретить оправленную в серебро обычную деревянную чашку»³⁸.

Для нас важно отметить, что за много километров от Пред-тибетья в центральных и восточных районах Ферганской долины элементы традиционного тибетского рациона составили меню сакральной трапезы. Выходцы из Китайского Туркестана принесли сюда *сокит* (*сокыт*, узб. *сокит килмок* — «освобождать от трудностей») — обряд, посвященный суфийскому святому Аппаку-х⁶адже. Для проведения обряда последователи Аппака-х⁶аджы выбирают двух-четырёх *сокитбаши* (тюрк., *баши* — «глава», «руководитель»). «Люди, которые хотят обратиться к святому за помощью, загадывают желание и по обету приносят *сокитбаши* деньги, продукты (бараний жир, муку, чай). Эти подношения постепенно накапливаются у него до очередного обряда. Один *сокитбаши* проводит *сокит* два-четыре раза в год³⁹.

«*Сокит* — название не только обряда, но и главной жертвенной пищи — лепешки, которую вкушают участники религиозного собрания. Число лепешек соответствует числу людей, принесших продукты или деньги и загадавших желание. Участники *сокита*, предварительно совершив ритуальное омовение и одевшись в чистые одежды, рассаживаются по кругу перед скатертью (*сурпо*, *сурфа*), на которую кладут продукты, и читают молитву. Потом женщины готовят до 50–70 тонких лепешек вроде блинчиков, которые жарят на бараньем сале в котле. Во время приготовления лепешек все участники обряда молчат. Приготовив лепешки, в тот же самый котел с остатками жира наливают молоко, кладут чай и соль, кипятят, приготовляя *ок-чай*. Затем каждую лепешку сворачивают вчетверо и кладут на хлеб, а сверху — вы жарки. Все это делят поровну между участниками обряда, которые часть пищи съедают, а часть заворачивают в платки и относят домой, где также съедают, совершив предварительно ритуальное омовение. Иногда священное блюдо относят в мечеть молящимся. Ни одной крошки этих лепешек не оставляют»⁴⁰.

Важно отметить, что *сокит* как специальный сакральный напиток восходит к вполне профанному повседневному чаю-супу. Получив в буддизме признание в качестве священного напитка, для монголов, например, он в конце XVI–XVII вв. уже был «единственной пищей в течение многих дней»⁴¹.

Суфийскую линию интересным образом продолжает предание, зафиксированное в Поволжье, восходящее к XIX в. и рассказывающее о странствующем дервише, который, бродя по дорогам Туркестана, необычайно устал. Его угостили *чайсумой*, и усталость в мгновение ока прошла. «Вот это напиток! — воскликнул дервиш. — Его место в раю! Это подарок Всевышнего!» — и поспешил в путь — рассказывать людям о чае; этот суфий прожил благодаря чаю 100 лет⁴².

IV. Коныр аулие

Весной 2010 г. в Казахстане работала совместная российско-казахстанская историко-этнографическая экспедиция⁴³. В рамках ее работы и в ходе экспедиционного выезда в Казахстан в 2011 г. удалось посетить две святые пещеры, объединенные общим названием Коныр аулие и расположенные неподалеку от древних караванных маршрутов. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя превратила эти маршруты в обустроенные торговые тракты. Первая пещера лежит около Баян-аула близ Павлодаро-Баянаульско-Каркаралинского тракта. Вторая — на Сергиопольском тракте, в той его части, которая ведет от Семипалатинска до Чугучака (через Аягуз).

Оба пещерных образования были некогда объектами буддистского культа, где особо почитались пещеры, вход в которые наминал женское лоно⁴⁴. В двух километрах от Каркаралинска, в котором мы были в 2010 г., расположены «Каменные палаты» — глубокий естественный грот длиной около 10 метров. Сегодня под его сводом в беспорядке лежат большие валуны. Старожилы вспоминают, что здесь некогда стоял буддийский памятник, который был якобы вывезен в Омск.

Обе пещеры связаны с именем Коныра, который, по одной из легенд, во время потопа спасся независимо от Нуха (Ноя), обе на протяжении многих веков являлись и местом паломничества мусульман. Об этом, в частности, свидетельствует текст призывания казахского шамана (*бақсы*), записанный в первой четверти XX в. и посвященный баянаульской пещере: «С великих Чингизовых

гор святой, // С вершины Красных гор // Дева святая, // С вершины Баянаула // Коныр святой»⁴⁵.

«По легенде, название “Коныр аулие” идет со времен пророка Ноя (Нух), спасителя мира, зверей и птиц. При всемирном потопе трое аулие опаздывали. Когда они прибыли, на корабле Ноя уже не было мест. Тогда, связав три бревна, они сели на них и привязались к кораблю. Их бревна наткнулись на камень и оторвались. Трое предсказателей разъехались. После спада воды, когда начали появляться горы и сопки, бревно святого Коныра приплыло к пещере, где он и обосновался. Пещеру называли “Коныр аулие”. Люди здесь соблюдали строгий закон: во-первых, соблюдали естественную чистоту; во-вторых, приходили трезвыми; третьим условием было — каждый должен прикоснуться к созданию чистоты на территории пещеры — это святой долг каждого человека», — такая надпись встречает паломников в начале подъема к баянаульской пещере, известной также под названием Аулие-Тас. Еще в 1903 г. газета «Киргизский край» писала: «Аулие-Тас представляет из себя длинную, сажен в десять, пещеру, у западной стены которой лежит большой, с углублением в середине камень. В нем постоянно скапливается стекающая со стен и потолка пещеры холодная прозрачная вода, отличающаяся, по мнению киргизов, очень целебными свойствами. Посещающие пещеру киргизы пьют эту воду, обмывают ею больные части своего тела и употребляют для установленных у магометан омовений. В пещере, по преданию киргизов, жил когда-то святой человек. Народа съезжается к Аулие-Тас временами очень много; особенно много бывает женщин, так как святая вода пещеры уничтожает, по мнению тех же киргизов, бесплодие женщин».

Сегодня пещера по-прежнему является местом оживленного паломничества. Неподалеку построен дом, позволяющий паломникам переночевать, обустроена деревянная лестница, ведущая к пещере, и «сходни», позволяющие уже внутри пещеры подняться к той ее части, где в углублении скапливается вода. Паломников окормляет служитель местного культа, знающий специальные молитвы.

Вторая пещера Коныр аулие расположена приблизительно в 200 километрах от города на склоне горы Актас⁴⁶, омываемой рекой Чаган. Эта громадная пещера с глубоким озером и то ли с изваянием, покрытым известковой коркой, то ли «окаменелым трупом, подвергавшимся много лет действию известковой воды»⁴⁷, издревле пользовалась доброй славой среди женщин, мечтавших о материнстве, но лишенных такой возможности. Среди связанных с ней легенд — потайная дверь на дне озера, ведущая в некую гробницу, и проток, будто бы связанный с самой Меккой подземными путями.

Эта пещера входит в десятку наиболее почитаемых святых мест Казахстана. Сегодня туда приезжают тысячи паломников не только из Казахстана, но и из других государств Центральной Азии и России. К их услугам небольшая инфраструктура: дом, где можно заночевать, очаг, столбы для туши принесенного в жертву барана, помост и кувшины для ритуального омовения, которое надо совершать в полной тишине. Благодарные паломники установили несколько плит с текстами на казахском языке. Говорят о десятках излечившихся тяжелобольных, о наркоманах, порвавших с зависимостью, о 19 женщинах, испытавших радость материнства. Тут же гадают на бараньих лопатках. На плитах и камнях — ленты белой ткани. Это традиционный символ надежды.

Как и в первой пещере, входом служит узкая высокая расщелина. Ее дно покрыто черными острыми и скользкими камнями, по которым надо пройти-проползти до воды чуть больше ста метров. Паломник должен окунуться в нее нечетное число раз. Женщины входят в воду в платьях и с покрытой головой.

Пещера «живет», то и дело меняя свою конфигурацию. Каменная скульптура, которую местные жители называли «Калмак», имевшая, по-видимому, буддистское происхождение, сегодня не видна: стена слева от входа, под которой она лежала, обвалилась, открыв новый выход к воде.

По словам паломников, купание в пещерном озере влияет на здоровье самым благотворным образом. Одна из причин такого влияния, возможно, связана с тем, что воды озера слабо радиоактивны. Озеро, как и река Чаган, подпитывается подземными сто-

ками, которые идут с расположенной неподалеку испытательной площадки «Балапан» и содержат радиоактивный тритий⁴⁸. Вероятно, механизм возникновения лечебного эффекта можно сравнить с радонотерапией. В любом случае вода пещерного озера заслуживает специального исследования.

Стены пещеры покрыты множеством граффити, оставленных паломниками. Среди них есть и рука выдающегося казахского просветителя Абая Кунанбаева. Даты свидетельствуют о том, что паломники приходили сюда и тогда, когда этот район оказался по существу в границах полигона.

Пещера использовалась людьми с древнейших времен. Неподалеку множество древних петроглифов, андроновские могильники времен бронзового века, сакский курган, по-видимому конца I тыс. до н. э., древнетюркские курганы, которые казахи называли «могилами калмаков» или «домами мугов» (огнепоклонников), каменные надгробные изваяния. У входа в пещеру — разграбленные тюркские могилы. Из их камней сложено простое надмогильное сооружение, посвященное батыру Сарсенбеку Козыбагар-улы (1706–1755).

В Центральной Азии есть по крайней мере еще два места, связываемых народным преданием с легендой о всемирном потопе и Нухе. Одно из них — «Туркестанский Арарат», описанный еще В. И. Массальским (1859–1932)⁴⁹. Это вершина в горном массиве Казыгурт, лежащем между Чимкентом и Ташкентом. Не так давно здесь был воздвигнут памятник «Нұх пайғамбар кемесі» (Ковчег Ноя).

Второе место расположено в горах Нур ата (Самаркандская область Республики Узбекистан). Согласно А. П. Федченко (1844–1873), «далее за Дарьей возвышалась отдельная гора Афтоб; хотя последняя и не отличалась особой высотой (не более 3500 метров), но туземцы сочли долгом обратить на нее наше внимание, так как на ней остановился Ноев ковчег. Про претензии ташкентцев, что ковчег остановился на Казыгурте, они, конечно, знали и объяснили это невежеством. О том же, что их гора не более как один из многих претендентов на то же значение, они, очевидно, и не подозревают»⁵⁰.

Святые места, расположенные на древних торговых путях, переходили от одного народа к другому, но религии, сменяя друг друга, частью сохраняли и прежние названия, и ритуалы: казахские суфии верят в перерождение, в Тибете с лампой обходят мавзолеи своих шайхов, медитация сопровождается дыхательной практикой, визуализацией духовных наставников.

Центральноазиатские транспортные коридоры, имевшие глобальное значение, естественным образом объединяли торговлю и информационный обмен, паломничество и тысячекилометровые миграции. Сегодня изучение паломнических практик невозможно без учета этого первостепенного фактора.

¹ Настоящий текст стал одним из результатов работы по экспедиционно-выставочным проектам МАЭ 2008–2011 гг., связанным с изучением паломнических традиций народов Синьцзяна, Цинхя и Казахстана. Многие из представленного ниже является результатом нашей совместной работы с Е. А. Резваном, руководителем этих проектов.

² *Головнев А. В.* Антропология движения. Екатеринбург, 2009. С. 253–310.

³ http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2008_10_22.

⁴ Мы искренне благодарны Е. Г. Царевой за подробные консультации по этой теме. По истории салоров см: *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // Сочинения. М., 1963. Т. 2; *Бюде К.* О туркменских поколениях: Ямудах и Гокланах // Записки Русского Географического общества. Т. II. СПб., 1847; *Васильева Г. П.* Этнографические данные о происхождении туркменского народа // Советская этнография. 1963. № 2; *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969; *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1867; *Джигитов А. К.* История расселения туркмен-салыров в XVI — начале XX века // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965; *Карпов Г. И.* Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925; *он же.* Родословная туркмен // Туркменоведение. 1929. № 1; *Агабеков П. В.* Салыры (салоры) // Там же. 1930. № 6–7; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958; Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1938–1939. Т. 1–2; *Михайлов Ф. А.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этногра-

фический очерк. Ашхабад, 1900; *Петрусеви́ч Н. Г.* Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1880. № XI/1; *Лессар П. М.* Юго-западная Туркмения (земли сарыков и салоров) // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1885. № XXI/1; *он же.* Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Там же. СПб., 1884. № XX/1; *Лозашева Б. Р.* Туркмены Ирана. М., 1976; *Овезов К., Гаджаров Н.* Туркмены Ирака // Туркмены зарубежного Востока. Ашхабад, 1993; *Росляков А. А.* Происхождение туркменского народа. Ашхабад, 1962. Подробнее см.: *Васильева Г. П.* История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII — XX века. Очерки. М., 2003.

⁵ Гузы приняли участие в завоеваниях сельджуков, а позднее и в африканских походах Салах ад-Дина, некоторые затем поступили на службу к Алмохадам, владевшим Северной Африкой и Южной Испанией, и заняли в их государстве высокое положение. См.: *'Abd al-Wahid al-Marrakoshi.* The History of Almohades / Ed. by R. Dozy. Leiden, 1847; *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа. С. 580.

⁶ Салорский и чоудорский союзы с их четко выраженной общетуркменской и одновременно групповой и племенной спецификой сохраняли свою значимость вплоть до XVI в. См.: *Царева Е. Г.* Традиционное ворсовое ткачество туркмен как этнографический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 1.

⁷ См.: *Frazer G. B.* Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822. Oxford, 1825. P. 245–258.

⁸ И сегодня у салоров, живущих в Туркменистане, зафиксирован род караман.

⁹ См. также: *Li Xue Wei, Stuart K.* The Xunhua Sala // Asian Folklore Studies. 1990. No. 40. P. 39–52; *Ma Jianzhong, Stuart K.* “Stone camels and clear springs” the Salar’s Samarkand origins // Ibid. 1996. No. 55. P. 287–298.

¹⁰ Не так давно 867 листов рукописи, уложенной в две шкатулки, прошли полную реставрацию в музее города Нанкин. Был проведен анализ бумаги и чернил, уничтожена плесень, восстановлены поврежденные страницы.

¹¹ Подробнее см.: *Тенишев Э. Р.* У тюркских народов Китая. М., 1995. С. 149, 176–178.

¹² *Сербедары* («висельники», «отчаянные») — участники народного движения суфийско-шиитского толка в государстве Ильханов и Чагатай-

ском улусе (XIV в). *Бартольд В. В.* Народное движение в Самарканде в 1365 г. // Сочинения. М., 1964. Т. II/2; *Строева Л. В.* Сербедары Самарканда // Ученые записки ЛГУ. Л., 1949. № 98; *Петрушевский И. П.* Движение сербедаров в Хорасане // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1956. № 14.

¹³ Т. е. «Большой Лангар». *Лангар* — якорь (этимологически — «крюк»), остановка. Обычно название последнего пристанища (могила) святого. Расположены все *лангары*, как правило, в самых верховьях речных долин и ущелий по горам Средней Азии, Афганистана, Ирана (см.: *Розенфельд А. З.* Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. LXXII/6. С. 861–864.

¹⁴ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894. Вып. 57. С. 111.

¹⁵ *Массон М. Е.* Катта-Лангар в области средневекового Кеша // Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Ташкент, 1966. № 7. С. 73.

¹⁶ *Поярков Ф., Ладыгин В.* Салары. Этнографический очерк // Этнографическое обозрение. М., 1893. № 1. С. 10.

¹⁷ Подробнее см.: *Резван Е. А.* Мусульманские реликвии в истории кашкадарьинских арабов // Винников И. Н. Кашкадарьинские арабы (язык, фольклор, этнография). СПб. (в печати).

¹⁸ *Семенов А. А.* Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Труды Академии наук Таджикской ССР. 1954. Т. XII/1. С. 142.

¹⁹ *Волин С. Л.* К истории среднеазиатских арабов // Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.; Л., 1941. С. 117–126.

²⁰ Подробнее см.: *Резван Е. А.* «Коран ‘Усмана» (Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент). СПб., 2004. С. 17–59.

²¹ *Царева Е. Г.* Указ. соч.; *Tsareva E.* Salor carpets // *Hali. The International Journal for Oriental Carpets and Textiles.* 1984. No. VI/2. P. 126–135.

²² Письмо Е. А. Резвану от 09.12.09

²³ *Поярков Ф., Ладыгин В.* Указ. соч. С. 10.

²⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006. С. 344–348. В тексте исторического предания «История переселения саларов» для обозначения земли использовано слово *tōrax*, для больших и малых весов — *t’empinur* и *t’ijuziŭ*. См.: *Тенишев Э. Р.* Саларские тексты. М., 1964. С. 119.

²⁵ Там же. С. 373.

²⁶ Там же. С. 376–377.

²⁷ Согласно одному из преданий, перед битвой при Анкаре Байазид Молниеносный, смотря на знамя Тимура, произнес: «Какая наглость думать, что тебе принадлежит весь мир!». В ответ Тимур, показывая на турецкое знамя, произнес: «Еще большая наглость думать, что тебе принадлежит Луна!».

²⁸ По распространенной в Центральной Азии легенде у пророка ‘Али — семь могил: «Хоронившие его люди видели, как вместо одного верблюда с его телом стало семь, и они пошли в разные стороны» (*Грязневич П. А., Басилов В. Н.* Мусульманская мифология // Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2. С. 186. См. также: *Гедин С.* В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. СПб., 1899. С. 155–157. По поводу представлений о священном верблюде в древней и раннесредневековой Аравии см.: *Массэ А.* Ислам. М., 1963. С. 43).

²⁹ *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени. СПб., 2009. С. 308.

³⁰ *Воробьева-Десятовская М. И.* Индийцы. Хотаносаки. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 110.

³¹ *Чвырь Л. А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. М., 2006. С. 199.

³² <http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=74&idpg=1>.

³³ Среди таких мест мавзолеей Хаким-шайха (деревня Баишево Вагайского р-на Тюменской области), гробница Ахмада Йасави в г. Туркестане (Казахстан), гробница Аппака-ходжи в Кашгарии, могила Джа‘фара Садика (Хотанская область), могила Баха ад-Дина Накшбанда (Бухара), гора Тахт-и Сулайман (Ош), мавзолеей шейха Бурхан ад-Дина (Улакан, Западная Суматра), мемориальный комплекс Шайх-Хусейн в Эфиопии и др. См. также: *Муминов А. К.* Святые места в Центральной Азии (взаимодействие общеисламских и местных элементов) // Маяк Востока. Ташкент, 1996. № 1–2. С. 14–21.

³⁴ Версии мусульманского предания разнятся в определении количества действующих персонажей (три, пять или семь).

³⁵ Легенда в ее различных (в том числе центральноазиатских) версиях довольно подробно представлена в русской научной литературе. См., например: *Катанов Н. Ф.* Сказание о семи эфесских отроках // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1894. № 8. С. 223–245; *он же.* Киргизская и казанско-татарская версии христиан-

ского сказания о семи спящих отроках // Известия Общества археологии, истории, этнографии. 1904. № XXI/4; *Антая М. О.* Легенда о семи спящих отроках и ее арабские версии // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. № IV/4. С. 7–17; *Крымский А.* Семь спящих отроков эфесских. М., 1914; *Демидчик В. П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. М., 2004. С. 171–172. На эту тему писал и Э. Р. Тенишев (см. ниже). См. также: *Вагнер Г. К.* Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве // Византийский временник. 1963. № XLVIII. С. 85–104; *Koch J.* Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie. Leipzig, 1883; *Huber M.* Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Eine literargeschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1910; *Massignon L.* Les « sept dormants »: apocalypse de l'islam // Analecta Bollandiana. 1950. No. 68. P. 245–260; *idem.* Les sept dormants d'Ephese (ahl al-kahf) en islam et chretinte // Revue des Etudes Islamique. 1954. No. 12. P. 61–110; *idem.* Le culte liturgique et populaire des VII dormants, martyrs d'Ephese (ahl al-kahf): trait d'union orient-occident entre l'islam et chretinte // Studio Missionalia. Rome, 1961. No. 62; *Bonnet J.* Artemis d'Ephese et la legende des sept dormants. P., 1977; *Jourdan Fr.* La tradition des sept dormants. P., 1983; *Kandler H.* Die Bedeutung der Siebenschläfer im Islam. Bochum, 1994; *Rutz O.* Die Siebenschläferkirche in Rotthof, 1506–2006. Legende, Geschichte, Kunstgeschichte. Ruhstorf a.d. Rott, 2006.

³⁶ Подробнее см.: *Абашин С. Н.* Сокит // **Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь** / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2006. С. 363–366.

³⁷ В собрании МАЭ имеется специальный мешок для хранения *цзамбы* (№ 2563-28).

³⁸ *Решетов А. М.* Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 119. (Сборник МАЭ. Т. 25).

³⁹ Подробнее см.: *Абашин С. Н.* Указ. соч.

⁴⁰ Там же. С. 365.

⁴¹ *Жуковская Н. Л.* Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография. 1979. № 5. С. 70. **Ср., например, что, несмотря на громадную популярность, чай в культуре славянского населения Сибири рубежа XIX и XX вв. «в отличие от всевозможных взваров, киселей не входил в обрядовые системы (например, в свадебный, поминальный**

комплексы)». См.: *Фурсова Е. В.* Традиции сибирского чаепития в конце XIX — начале XX в. // *Славянский ход 2007. Материалы и исследования.* Ханты-Мансийск; Сургут, 2007. Вып. 3. С. 138.

⁴² *Бушков Р. А.* Ароматы Востока // Татарстан. 1992. № 11–12. С. 90–91.

⁴³ Подробнее см.: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2010_08_31/.

⁴⁴ Так, в тибетском буддизме прославились пещеры на горе Утайшань в китайской провинции Шаньси. Почитаемые пещеры этого типа зафиксированы и в Забайкалье. См.: *Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992.

⁴⁵ *Турсунов Е. Д.* Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы, 2001. С. 13. Цит. по: *Стасевич И. В.* Почитание природных объектов в религиозной практике казахов // Радловский сборник. СПб., 2011. С. 56.

⁴⁶ N 49 06 E 78 32.

⁴⁷ *Брюханов В. А.* Конур-Аулиэ // Записки Семипалатинского подотдела Императорского Русского географического общества 1912. № 6. С. 2–3.

⁴⁸ «Согласно материалам экологического обследования в районе площадки “Балапан”, “концентрация трития в подземных водах изменяется в широком диапазоне значений от минимальной активности (7 Бк/л) до максимальных значений, достигающих 5 миллионов Бк/л”. На территории размером всего 36 квадратных километров было проведено 23 ядерных взрыва мощностью от 15 до 165 килотонн. Здесь проходит стык нескольких региональных геологических разломов, где скорость движения подземных вод более интенсивна по сравнению с окружающими породами. В итоге подземные воды могут заражаться радионуклидами». См.: *Петров В.* Зараженные реки, радиоактивные берега // Капитал. Деловой еженедельник. 23.10.2011 (<http://www.kapital.kz/archive/1598-2011-05-11-16-36-24.html>).

⁴⁹ См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 415.

⁵⁰ *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 112.